

СМЕНА

№ 15

не дадим клеветать на нашего горького

Коллектив комсомола завода «Динамо» поздравляет тебя, дорогой Алексей Максимович, с приездом и шлет пламенный комсомольский привет. Алексей Максимович, ты проявил себя на литературном посту как стойкий пролетарий-большевик, и **МЫ, КОМСОМОЛЫЯ, НЕ ДАДИМ НАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СВОРЕ КЛЕВЕТАТЬ НА НАШЕГО ГОРЬКОГО.** Дорогой Алексей Максимович, наш комсомольский коллектив ждет тебя и нам на завод, чтобы ты убедился, как мы боремся за большевистские темпы, как мы штурмуем высоты социалистической техники.

алексей максимович в москве

Одной из лучших комсомольских бригад депо станции Вязьма по праву досталась честь привезти в Москву Максима Горького.

Точно, минута в минуту, поезд подошел к дебаркадеру Белорусско-Балтийского вокзала.

Алексей Максимович снова с нами. Пролетарская молодежная Москва во второй раз встречала своего любимого писателя.

— А что, Алексей Максимович, здорово трясло?— неожиданно спрашивает какой-то комсомолец.

— Ничего, тряхило,— говорит Горький.— А вы вот еще крепче трясете.

— То есть как так?— недоумевает парень.

— Да вот в Европе пишут, что вы даже Испанию растрясли. До того была спокойная страна: мирно грелись на солнышке, а теперь вон жгут монастыри.

Ребята смеются. Смех переходит в овации, угрожающие Алексею Максимовичу. Приходится своевременно скрываться на машине.

ударники пролетлитературы, на творческий смотр

пролетарии всех стран, соединитесь!

смена

№ 15

30 мая 1931 года

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

О Р Г А Н Ц И И М К В Л К С М

Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ответственный редактор

С. ЗЕМРАД

художественное оформление
паравары СТЕПАНОВОЙ

адрес редакции: Москва, центр,
большая черкасская, 6. т. 5-67 03

Призыв ударников в пролетарскую литературу дал десятки новых писателей, активно борющихся за повышение не только у своего станка, но и оружием художественного слова. Призыв был подготовлен огромным политическим и культурным ростом пролетариата советской страны, получившим поэтому возможность проявить свои таланты во всех областях социалистической стройки. Нельзя недооценить значение этого факта для пролетарского литературного движения. Призыв ударников поднял движение на новую ступень, стал решающим фактором в деле ликвидации отставания литературы в общих колоннах развернутого социалистического наступления.

В прошлом году «Смена» совместно с МАПП провела смотр рабочих литкружков. Смотр прошел под лозунгом перестройки литкружков лицом к производству. Первый московский областной слет литкружков, проведенный в дни смотра, подчеркнул в своих решениях необходимость органической увязки работы литкружка со всей общественно-политической и хозяйственной работой на предприятии. В то же время слет заострил внимание идущих в литературу рабочих кадров на необходимости серьезной учебы, углубленной творческой работы, отнюдь не сводящейся к одним производственным лозунгам и эскизам.

Сейчас, на новом этапе движения, МАПП развертывает творческий смотр призванных в литературу ударников. Творческий смотр поднимает призыв на высшую ступень. Смотр должен подвести некоторые предварительные итоги творчеству рабочих-ударников, выявить недостатки в их произведениях, дать толчок систематической учебе.

Вполне понятно, что всяческие попытки свести недостатки творчества ударников дезориентируют их. Тем более нужно решительно ударить по изможенным тенденциям захваливания ударников. Такое захваливание может принести огромнейший вред начинающим писателям-ударникам. А такая опасность в настоящий момент очень реальна. Уже нашлись люди, которые не прочь расписать перед ударниками, объявить их чуть ли не классиками. Образцом такого интеллигентского захваливания является небезвестная статья И. Анисимова в «Литературной газете». В статье Анисимова нет ни одного слова о недостатках в разбираемых им книжках рабочих-ударников.

Больше того, нашлись люди, которые многочисленными недостатками в творчестве ударников прямо-таки идеализируют. Примером такой «идеализации» является предисловие А. Низовцева к сборнику произведений ударников «Рабочий призыв», недавно вышедшему в ГИХЛ. А. Низовцев по-интеллигентски восхваляет начинающими писателями, вместо того, чтобы дать серьезный критический разбор их произведений. Больше того, Низовцев находит, что у начинающих писателей даже явные литературные недостатки приобретают положительный характер.

Чрезмерное захваливание произведений рабочих-ударников имеет в своей основе ставку на стихийность, характерную для разоблаченных в свое время Лениным деятелей «Рабочего дела» (дескать, раз он рабочий, нечего ему учиться марксизму, он своим «шутром» чувствует, и т. д.).

Политика РАПП основывается прежде всего на марксистско-ленинском воспитании писателей, в том числе и в первую очередь — писателей-ударников, призванных в литературу. Мы должны по всей глубине поставить вопрос о систематической творческой учебе ударников, призванных в литературу. Иско, что учебу мы понимаем не только как техническую выучку; в понятие учебы мы вкладываем главным образом овладение марксистско-ленинским мировоззрением и творческим методом.

Чтобы осуществить лозунг РАПП о господстве марксистско-ленинского мировоззрения и творчестве пролетарского писателя, нужна упорная работа по овладению теорией и диалектико-материалистическим творческим методом.

Именно поэтому центральной лозунгом проводимого МАПП смотра и является лозунг, брошенный Лениным на III съезде комсомола, сохранивший свою актуальность по сей день — учиться, учиться и учиться.

Расти не только шире, но и глубже, бороться за качественные показатели творчества рабочих ударников, — такова центральная задача, стоящая на данном этапе призыва ударников в литературу. Именно поэтому проводимый творческий смотр поднимет призыв ударников на высшую ступень, мобилирует внимание ударников на выполнение задачи систематической учебы и поможет ее практическому разрешению.

Включаясь в творческий смотр и считая его одной из важнейших своих задач на ближайший период, «Смена берет на себя ряд больших обязательств. Печатаем произведения рабочих-ударников, критическим разбором этих произведений и, наконец, помощью ударников через индивидуальную мы будем стремиться к разрешению центральной задачи смотра — организовать систематическую учебу рабочих-ударников, призванных в литературу.

Вполне понятно, что разрешение этой важной задачи немалым без дружеской помощи и поддержки редакции со стороны самих ударников-призывников в литературу.

Сказка об ЭОЗИНЕ

Эозин—чуждое греческое слово, изобретение восторженными учеными. «Эос» по-гречески значит — утренняя заря, а эозин — искусственная краска, светлая, сверкающая, как утренняя заря. Когда слышишь это слово, невольно возникает перед тобой восточный горизонт, алые облака, края которых окрашены пурпуром восходящего солнца.

Эозин мог бы быть цветом и символом революции. Эозин мог бы и должен был быть...

Стой фантазия! стой. Долой, поэзия, долой. В капиталистическом мире, где я дышу, эозин нечто совсем другое.

Говоря просто и трезво, эозин—анилиновая краска, при помощи которой в Германии «озонируют» рожь, т.е. красят ее в красный цвет.

Для чего красят рожь? Красный—нервирующий, революционный цвет, воспринятый в капиталистических странах. И все-таки рожь красят в красный цвет.

Официальное объяснение гласит: «Для того, чтобы люди не могли употребить рожь в пищу». В каждой газете можно прочесть непонятную телеграмму: «Министерство народного питания предписывает озонирование 750 тысяч тонн ржи для применения ее в качестве корма для скота».

Что означает эта телеграмма рядом с другими фантастическими телеграммами, которые сообщают, что «несмотря на сезонное оживление рабочего рынка труда», число германских безработных превышает четыре с половиной миллиона и буржуазные статистики предсказывают, что армия безработных в предстоящую зиму дойдет до шести миллионов?»

В прошлую зиму было пять миллионов безработных, в будущую их будет шесть. В прошлом году озонировала 400 тысяч тонн ржи, для будущего года озонируют вдвое больше.

Что это за министерство народного питания, которое заботится о том, чтобы рожь ели не люди, а свиньи? Потому что, оказывается, озонированную рожь направляли для нужд сельского хозяйства и применяли в качестве корма для свиней.

Что же это за министерство народного питания, которое откармливает свиней и заставляет народ голодать?

За эту озонированную рожью, которую окрасивают в яркий красный цвет для того, чтобы она была как устрица гари, и чтобы люди не могли ее употребить в пищу (эозин имеет невыносимый для людей привкус), за эти безармированные телеграммы, за эти драгоценными словами кроется тайна капиталистической системы. Тайна, которую не дерзает вытеснить, о которой громко возводят в официальные сообщения, а уверенности, что голодающие, у которых отнимают рожь, не вздумают бунтовать. Если же они взбунтуют, то их можно живо обуздать при помощи револьверов и резиновых дубинок.

Я рассказываю вам тайну озонированной ржи, от которой волось становится амбом.

Германское сельское хозяйство взращивает больше ржи, чем пшеницы. Это находится в зависимости от климата и почвы. Между тем, в Германии потребители больше пшеницы, чем ржи. В Германии рожь и при нормальных условиях должна была бы быть дешевой, так как предложение превышает спрос.

Со времени мирового кризиса удешевлению германских цен на рожь способствуют эти следующие факторы.

Вследствие безработицы в Германии потребление хлеба уменьшилось на одну треть. Уменьшение потребления хлеба касается всех слоев населения (безработные пролетариата, сельскохозяйственных рабочих, мелких крестьян), которые потребляют не пшеничный хлеб, а рожь. Благодаря этому рожь должна была еще подешеветь.

И если больше она должна была подешеветь из-за конкуренции мирового рынка, где цены на рожь уменьшились больше, чем вдвое.

Если бы все шло правильным путем, то рожь в Германии должна была быть дешевле, чем во всем мире.

Но не все идет правильным путем.

Как раз наоборот: в Германии держится самая высокая в мире цена на рожь, и все-таки рожь поступает свиньям.

Несколько лет тому назад, когда в Германии был еще только аграрный, а не оштрафенный промышленный кризис, хлебопечерники хотели поднять цену на рожь при помощи широкого пропагандирования ржи. Они хотели, чтобы потребителям главным образом ржаной хлеб. Т.е. они хотели, чтобы потребителям в Германии, людям, привыкшим к капиталистическому и среднему классу, что для них здоровье потребить ржаной хлеб.

Всюду красовались патристические плакаты:

— Немцы, ешьте немецкий хлеб.

Но потребители пшеничного хлеба эти патристические плакаты мало смущали. Известно, что немцы предпочитают все патристические обязанности и жертвы немцам. А последних этот вопрос не волновал, они и без того ели ржаной хлеб.

Тогда выступил на сцену принцип авторитета.

Был сфотографирован старый, пышущий здоровьем Гинденбург, под портретом красовалась собственноручная подпись этого национального героя:

4 бург, под портретом красовалась собственноручная подпись этого национального героя:

СМЕНА № 15—1931

— Я всегда ел ржаной хлеб

Высший носитель власти в капиталистическом государстве—должен стоять и в вопросе рекламы. Так принято, ведь капитализм—торговое предприятие.

Реклама ошала:

— Только благодаря ржаному хлебу я достиг библиеского возраста. Только благодаря ржаному хлебу я стал великим полководцем, воддем, который не только выиграл сражение под Гинденбургом, но выиграл бы и мировую войну, если бы этому не помешали второстепенные обстоятельства. Только благодаря ржаному хлебу я был непоколебимой опорой моего кизера и только благодаря тому же ржаному хлебу я стал кайзером республики, вернее говоря, президентом социал-демократическо-фашистского акционерного общества, имеющего вывеску республикан.

(Если бы еще величество Вильгельм II тоже ел ржаной хлеб, он бы еще мог бы сидеть в Берлине на троне и не прозвал бы в Голландии в качестве безработного).

Но пропаганда ржи ни к чему не привела.

Ни германское происхождение ржаного хлеба, ни его признание Гинденбургом не могли увеличить потребление ржи. Тем более, что за это время случались безработица и едок ржаного хлеба, несмотря на хороший пример Гинденбурга, были вынуждены уменьшить его потребление, хотя они охотнее его удаляли бы, так как мясо и другие предметы питания ни были бы не по карману.

Тогда германское правительство—сначала социал-демократическое при поддержке буржуазных парламентариев, потом буржуазное правительство при поддержке социал-демократической партии—перешло к более серьезным мероприятиям.

Позиция на рожь была настолько повышена, что размер пошлины, падающей на двойной центнер ржи, превышал цену самой ржи. Таким образом, целиком была исключена конкуренция мирового рынка.

Можно было регулировать цену на рожь внутри страны. Но и это оказалось не просто. Потому что оказалось много ржи и мало—потребителей, имеющих возможность платить за нее. Как мы знаем, в капитализме вопрос идет не о спросе вообще, а специально о потребителях, имеющих возможность платить. Рожь взращивается не для того, чтобы люди могли ее есть, рожь взращивается для того, чтобы ее можно было продать с прибылью.

Но прибыль была в опасности.

Растущее предложение и уменьшающийся спрос понижали цену на рожь.

Крупные землевладельцы и кулаки северной Германии продолжали культивировать рожь. Благодаря этому росло предложение. С другой стороны романизились, переживающая кризис, давала все большее число безработных. Благодаря этому понижался спрос. Тогда правительство решило начать действовать для поддержки ржи. То же правительство, которое все больше ограничивало пособия безработным, все усильно поддерживало ржи. То же правительство, которое вычерпывало из бюджета государства сотни миллионов, потому что оно непрерывно обременяло бюджет (они ведь предназначены только для пролетариев, не имеющих хлеба), включало сотни миллионов в тот же бюджет для покупки ржи.

Правительство считало сельское хозяйство нуждающимся в поддержке, потому что оно имело слишком много ржи, а не безработных рабочих, которые ее имели слишком мало.

Когда правительство решило закупить рожь, коммунисты предложили распределить эту рожь между безработными, чтобы они имели хоть вдоволь хлеба.

Насмешливый смех был ответом буржуазного парламента (в котором сидело свыше ста социал-демократов и ста национал-социалистов, стремящихся оштрафовать народ) по рецепту Гитлера, социализма. Цель была одна: цель закупки ржи. Цель была именно обратная. Цель заключалась в том, чтобы голодным было предоставлено меньше ржи на «свободном рынке». Если есть мало ржи, можно повысить цену на рожь и на хлеб, как это теперь и происходит в той Германии, где четыре с половиной миллиона безработных.

Правительство, закупившее рожь, выкрасило ее эозин и продало вдвое дешевле для нужд сельского хозяйства, как корм для свиней.

Свиньи пожирают рожь, закупленную при помощи налогов на работающих рабочих, для того, чтобы отпить ее у безработных рабочих. А свиньи, которые кормят эту рожью, пожирают их владычества. Где же германскому рабочему достать столько денег, чтобы покушать свинью?

Такова сказка об эозине, чудесной краске цвета утренней зари.

Только по-гречески эозин означает красный цвет восходящего солнца. Принемаши это значит—землясто-серый, болезненный цвет лица голодающих мужчин, женщин, молодежи, детей.

Капиталистическое общество все еще нуждается в свиньях. Свиньи—хороший товар, большей частью гораздо более ходкий, чем рожь. Несмотря на аграрный кризис, в Германии не вследствие диавола свиней, которых нельзя продать. Поэтому курс на свинью выше, чем на человека, на рожь. И это будет так, пока утренней зарей на восточном небе Запада окрасится не эозин, а кровью.

ДЕВУШКИ

Шварцевского рудника

мих. гольдберг

Плешивые каменные стены запечатлели борьбу страстей, бушевавших в доме № 1/10 так недавно. Над деревянной лесенкой, ведущей на крышу, кто-то из посетителей написал куском мела: «Эх, зачем ты шла сюда, до Шварца дошла».

В ответ неизвестному автору—визу, в коридоре, на шершавых камнях нацарапан контрзаголовок: «Долой штыковой Долой оппортунистов!»

Сегодня комсомольцы рудника Шварца могут подвести окончательный итог этой напряженной борьбе, тянувшейся все зимние месяцы. Из 343 мобилизованных на рудник московских и орехово-зубских комсомольцев 70 сбежало. Семьдесят фамилий! Было вычеркнуто из списков шахтеров.

Дезертировала ночью.

Многие не возвращались в Москву, боясь появиться на заводе, куда уже дошла весть с рудника.

А над рудником, над шахтами № 12 и № 14, ходил все тот же ледяной жестокий ветер, обжигающий девушек-сортировщиц на отвалах и в зюках. Конечно, было холодно.

Вера Григорьева не спускалась под землю, проработав пару дней в сортировке, бежала отсюда с проклятиями:— Дакская работа! Будь она проклята!
Девушки же привыкли перебарывать по 240 вагонет угля в смену, не чувствуя, как ноги примерзают к сапогам.

Откалывались ледышки руда не сбивались в суставах и иногда непривольно шевелились,—это пугало неопытных.
Не умевших (тогда не было на руднике воды), насорно закусив, девушки шли по ступи на огонек шахты—разрезать лопатами уголь, отсечь «перек» и «МС»¹. Они были горды тем, что ни одна, ни один из девушек не была в числе дезертиров.

Дезертировать?

Не для того волеала Катя Назарова на заводе и в райком, доказывая, что в данный момент она принесет больше пользы в Подмосковском бассейне, нежели из своего пункта на «Лабризмэри-тее». Тем более, что, как рассказывают ребята, и когда не добрался специальностью допускался женский труд под землей, Катя обязательно будет в числе первых женщин, спустившихся в шахты!

Дезертировать?

Не для того поехала на рудник перелетчица 8-й типографии Москомграфа Бибис-Раиса Минаф, спасая авторитет комсомольской ячейки. Бибис была секретарем, и когда не добрался одного парня по разверстке МК, она с радостью предложила свою кандидатуру.

Дезертировать?

Вера Григорьева была в числе добровольцев комсомольской «1000». Девушка, с двадцати двум годам изъездившая по повину СССР, специалистка по борьбе с вредителями в сельском хозяйстве (на ее дuche около миллиона сусликов, отравленных под ее руководством в совхозах Крыма),—она решила поехать в Подмосковский, толкаясь исследовательским листиком, жидкой все знать, изучать, испытать на практике. К тому же зимой она не могла быть использована по специальности.

На руднике Григорьева столкнулась с ужаснейшей отсталостью техники, бездельем, бесхозяйственностью. Работница садится на канат и расклевывает тресет деревянное сито, сквозь которое просеиваются крупные и дробные куски угля. Эти вываренные ячички особенно возмущали Григорьеву. Главное—никакой механизации! Визу шаркает обушок, бурится вагонетка...

Ширококая лобастая Григорьева не отшатнулась, не бросилась прочь с рудника. Она мучительно думала над тем, что узнала на руднике и что знала прежде. Бурый уголь... Восемь мил-

лиардов тонн... Пять миллионов должен дать Подмосковский в этом году. Накорнит заряды и районные электростанции, накорнит локомотивы, даст всевозможные заводы. Бойрики! Кто знает, что таит в себе кубок бурого угля? Немцы воспользовались открытием профессора Бергмуса и добывают из бурого угля синтетическое жидкое топливо. А мы? Тов. Каганович на пленуме МОК партии говорил о Подмосковском бассейне как о костяке всего хозяйственного плава области. На Шварцевском руднике закладывают семь новых шахт... Кто пойдет в забой? И с чем? Неужели опять с каблом?

Может быть, не стоило эти рассуждения, сколько трагическая смерть комсомольца Франкштейна, окончательно разрешила все сомнения и колебания Веры Григорьевой и ее подруг. В ночь с 10 на 11 января в одном из крутых штрефов шахты № 12 придало вагоноукладчику на смерть мобилизованного комсомольца Франкштейна. В эту же ночь дезертировали с рудника 6 комсомольцев.

Бюро решило—на смерть ответить организацией ударного батальона. Не отступить. Уловить—уронить добычу.

Девушки привезли тело Франкштейна в клуб.

«Желая гдлба ужаса придала постолюк.

Смеялись товарищи в почетном карауле.
Не все пришли сюда, в убранный хвоей и знаменами горняцкий клуб, чтобы отдать последний долг Франкштейну. В красном гробу лежит Франкштейн, одетый в комсомольский костюм, с уменьшающим, чужим лицом. В это лицо нужно было взглянуть спокойно и мужественно.

Старый слесарь—отец Франкштейна, вызванный телеграммой из Москвы, у могильного холма обратился к комсомольцам с коротким словом:

Товарищи комсомольцы—просто сказал он,—очень тяжело чувствовать потерю. Но у меня есть еще один сын. Если партия и советская власть потребует, я и его отдаю на угольный фронт. Товарищи комсомольцы, я сам пойду работать с вами...

Тогда вырвался из рядов Дора Коган и говорила что-то горячо и беззлово.

В последующие дни на руднике почти прекратилось дезертирство, а девушки все настойчивее стали требовать, чтобы им дали работу внизу, настоящую шахтерскую работу.

Хорошо, они не могут пойти в забой колоть уголь, но работа подкатчицей и путейной по плечу. А их еще собираются упрятать в номерную! Что они—отдыхать сюда приехали, что ли?

Но десница не отступала девушек вниз. На сортировке—тоже острая нехватка в рабочей силе. Единственный выход—сплотить деревенских женщин в ударные бригады; поднять производительность труда. Единственный выход—отрезать повуюину, связывающую работницу-сортировщицу с матерью-деревней. Только тогда родится тип настоящей горняцкой пролетарки.

А сегодня у каждой работницы гдл-либо в пяти-семи километрах от шахты притулились своя хата, зеленее свой огород, пацется своя корова... и все ее помыслил там.

В районе только 12% коллективизированных хозяйств. Шахтер Оболенского рудника, сортировщица Оболенского рудника—люди деревни, единичники, и в этом сама глубокая причина всех производственных прыворов.

Комсомольки быстро завоевали доверие и любовь сортировщиц. Заслыша звонок, отчаянно—«даешь утла Кашкирк!»,—деревенские бабы улыбаются и быстрее вворачивают лопатами. Это кричала снизу, из-под яловов, Тоня Кашкина—«Кашкирка», физкультурщица и запевала, присланиая на рудник комсомольской ячейкой завода «Металлоштампы» в одну из последних мобилизаций.

К 1-му мая на Шварцевском руднике под руководством московских комсомолок были организованы первые женские ударные бригады. Еще—раньше случалось, то, за что страстно боролись девушки с первых дней своего приезда на рудник.

¹ Сорты угля.

² Прежде называлась рудник-им. Шварца.

К письму Катя Назарова комсомольской ячейке ее завода не нужно пояснений: «Добрый день, ребята. Прежде всего простите за то, что я вам не писала в течение пяти с половиной месяцев. Принаряды, работа здесь, забываешь и Москву и ячейку. Вы простите, но это так, потому что в условиях рудника иначе нельзя. Здесь, если часто вспоминаешь Москву, значит собираешься бежать, ну, а я бежать не думаю. Ребята, очень приятно слышать, что вы летите на аэропланы, мы же пока плетемся в хвосте, хотя по Подмосквовскому району занимаем одно из первых мест. Теперь о нашей работе. Я сейчас работаю внизу, в шахте, подкатчиком (у нас разрешили спускать вниз девчат, сейчас работают 6 человек девчат в шахте) уже две недели. Вернее, я уже несколько дней гуляю, так как вывихнула плечо в шахте. После болезни перехожу работать в ударную бригаду путевого, т.е. по прокладке путей в шахте. Это для меня сейчас вопрос жизни или смерти. Мне, т.е. девчата, хотим показать ребятам, как надо работать. Пока наши показатели выше показателей ребят, а что будет дальше—увидим. Меня здесь передали в кандидаты ВКП(б), надеюсь приехать в Москву уже черем. От имени райкома ВЛКСМ большое спасибо за подарки. Дети подкасты, поздравлю вас с 1-м мая и желаю, что вы там проводите демонстрации, а я гуляю и ничего не делаю. Скучно, все ребята работают сейчас по ремонту шахты и посылают вам ответный штепсел угля. Пишите. С ком. приветом Е. Назарова».

... О девушках Шарьевского рудника рассказывали не потому, что только они оказались стойкими и верными борцами за уголь. О борьбе всей комсомолки Шарьевского рудника, всей комсомолки Подмосквовского за выполнение плана уже пишут и будут писать книги.

Главы о девушках в этих книгах расскажут удивительные вещи. Они расскажут, как с песней возвращались со смены девушки в замерзающий дом № 1/10 шахтерского поселка, где валялись

на кроватях, не сняв спячков, отчаявшиеся парни. Скорей заснуть, чтобы забыть про эти дымные пещи, про эти обледеневшие окна, про эти сизые, грязные стены... А в коридоре—звонкие голоса, Биби-Раиса Минафв кинит воду и приглашает ребят на чашку чая, Дора делает прозрачные намеки о симпатичных качествах москель-промского печены. При стражайшей конспирации девушки собирают между собой рубли, чтобы к чаю обязательно было угощение. Это был своеобразный метод борьбы с «чуждыми» настроением у ребят. В прибранной комнате девушек, за кружкой горячего чая, у ребят прояснились лица, весело щурились глаза.

— Безобразно, многие собираются удирать с рудника,—закидывала удочку Катя Назарова.

— Получать—хреновая. Какое они имеют право сразу переводить на сделную оплату?

— Это не оправдание для дезертирства.

— Я не оправдываю, а только факт, что неправильно расчет произвели.

Увы! Не один и не два парня чай пили, печеным угощались, дезертиров осуждали, а на завтра смыслился с рудника как ни в чем не бывало.

Пошлость, которая всегда идет рядом с трусостью и предательством, пыталась осмеять, забрызгать грязью интуизмам женских коммат: «Они приехали сюда женихов искать... им что? А нам погибать». Но первым человеком, который самозакрепился на руднике до конца пятилетки, была подкачица Тося Панькова. Это был своеобразный метод борьбы с «чуждыми» настроением у ребят. В прибранной комнате девушек, за кружкой горячего чая, у ребят прояснились лица, весело щурились глаза.

— Товарищи, я остаюсь. Я из коммуны не ушел, я от коммуны не ухожу. Закрепился до конца пятилетки. Я перед собранием вызываю мою жену Лелю...

И сел, не посмотрев в сторону Лели—маленькой, окунувшейся, тоскующей по Москве табельщицы, так непохожей на остальных обитательниц женских коммат дома № 1/10.

«Снимаем с себя имя мобилизованных. Считаем себя кадровым горняцким пролетариатом».

Такие слова звучат, конечно, эффектно. Но девушки не гнались за эффектом. Надо, наконец, вывести рудник из вечного состояния «ликвидации прорыва».

Проце говоря, дело было в том, что именно так ставила вопрос сама жизнь: «А вся-то наша жизнь есть борьба».

На верхнем снимке—Тося Панькова, одна из первых девушек, спустившихся в шахты, самозакрепившаяся на руднике до конца пятилетки. Внизу—отдельные моменты трудового дня мобилизованных в шахты комсомольцев.

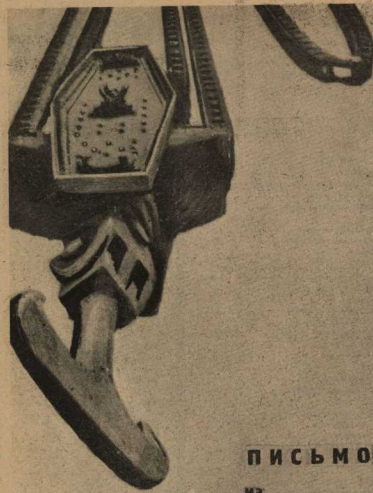

Пронятье прошлому
Тажемо пронятье.
Былому низнь была иногда отдана.
Вот падает последнее распутье
За синий лед подальшого окна.
Горячие иресты
Слетают звонной испльшой—
И сразу опустела золотая ильть.
..Вот в эту ильть
Мелка мальчишкой
Водила мать
Молиться
И говеть.

У царских врат гремело слово,
Пылала заперестольная зара,
Там бронтинкали Годунова
И помикали убиеного цара.
Нак много лодана!
В тумане
Не различить знакомых лиц...
Там приликали Разина Степана
И славили царей-убийц.
В тот миг не мог себя познать я,
Я шел понорно за толпой...
А мать стояла у распутья,
Товча нагана
Ноярми распльшой.

За ранней службой овивают тани,
Притворы наполняются людьми...
Но падают
Молоковы на иолени
И воздух рвет на части динамит.
Стена от взрыва носо расколосала.
Да здравствует гремлящая борьба!
И рушится холмская поворность
И истинно ачерашнего раба.
Занат от черной пыли взрыва мернет,
Сивозь блести мутной илзуры
На месте взрыва,
На месте черня—
Унее шумит сады для детворы.
С веселой лесенной прохадат поноленья.
Они в сады заходат не спеша...
Да, падают молонны на иолени,
И мне становитса
Саободнее дышать.

ПИСЬМО из гамбурга

Редакция «Смены» обратилась в ряду зарубежных товарищей с просьбой систематически освещать на страницах журнала жизнь и борьбу рабочей молодежи капиталистических стран, а также работу комсомола. Ниже мы помещаем письмо т. Гросса (Гамбург), первым откликнувшимся на предложение «Смены».

В гамбургской гавани непрерывное движение. Безостановочно кипит работа, свистят, выхлещ тысяч паромов, движутся сотни тысяч людей.

14-летний подросток (назовем его Францем), тинедушный, слабосильный, с колыбели знакомый с голодом и лишениями, удивленно и испуганно смотрит на место своей будущей работы. Франц с детства хорошо знает гавань. Ведь каждый гамбургский мальчишка не может не присутствовать при спуске нового парохода, моторной лодки, вообще не быть в курсе всего того, что в гавани происходит.

Но вот Франц оконил школу, из зрителя он превращается в действующее лицо, в кули судостроительной фирмы «Баом и Фосс». Напряженная работа, ивнская оплата труда. Франц работает до тех пор, пока его не поймают за чтением коммунистических прокламаций и не донесут об этом администрации, которая посылит его в тюрьму. Он должен бороться за лучшее будущее, должен добиваться того, чтобы молодежи 14—17 лет капитализм не привлекал:

— Работай и подыхай. Работай, но молчи. Работай скорее, скорее, скорее. Работай. Работай.

Франц стискивает зубы. Его руки движутся быстрее, чем стрелы часов. Когда же конец? Тысячи дней вперед, десятки тысяч, целая жизнь, полная труда, опасностей, шума, усталости, отчаяния, ярости. Франц только сейчас проснулся. Только сейчас понял безвыходность своего существования, существования сотен тысяч ему подобных.

Безыгодность. Безыгодность. Нет, есть один исход, один путь, путь организации, борьбы. Франц избирает этот путь.

Оставим пока Франца и посмотрим, что делается в гавани. Ведь гавань—сердце города, и чем правильнее и лучше работает это сердце, тем лучше себя чувствует и сам город. В 1913 году прибыла и отсюда отбыла 31 тысяча пароходов, в 1922 году—10 тысяч. Большинство из них пришли из Англии, Германии, Бельгии.

Ввезено было в Гамбург из Европы 37%, из Америки 36%, из Азии 17%. Вывезено из Европы 64%, из Америки 20%, из Азии 11%. Важнейшие предметы, которые перевозятся по морю—зерно, уголь, минеральные массы, предметы продовольствия, по реке—из Германии по Эльбе—камень и земля, сахар, средства удобрения, цемент и бумага.

В гавани 2000 кранов, 20 элеваторов, 90 мостов. Эти цифры могут дать приблизительное представление о грандиозности гамбургской гавани. Число работающих здесь колеблется между 50 и 100 тысячами. Но мировой экономический кризис снижает грузооборот порта. Мощные краны останавливаются. Порт замрзает все чаще, на все более долгие сроки.

Капитаном гамбургской гавани является гамбургский купец. Франц и его товарищи должны сместить этого капитана и вежливо, настойчиво предложить ему в будущем работать в топке, так как в сущности он ни на что другое не годен.

В гамбургской гавани много работают, но здесь также много думают и спорят. Каждый советский пароход, бросивший здесь якорь, становится центром нескончаемых дискуссий. Упорно, без устали, шаг за шагом продвигаются вперед революционные рабочие, сторонники и члены коммунистической партии и революционной профпрофизии. На массовые увольнения с рационализированных предприятий они отвечают усиленным агитационной работы. Когда подудленный даекй предпринимателей воображает, что предприятие очищено от коммунистов, он узнает к своему удивлению и ужасу во время выборов в завком, что пролетарии голосуют за представителей коммунистов. Идет непрерывная классовая борьба, время работает за нас, капиталом заканчивает свое существование.

Франц наш молодой друг, который скоро станет нашим товарищем, идет на работу. Голова у него трещит от шума и стука глушителей пара. Но в этой голозе прочно заложена мысль об организации и солидарности. В отделиности он ничто, никто, Франц Бергман, 14-летний ученик фирмы «Баом и Фосс». Но комсомолец Франц, член коммунистического союза молодежи Германии, читатель «Огне Гварды»—это лавастовый боец, солдат непобедимой армии, боец за свободу и хлеб, это—говарий.

Мы горячо приветствуем нашего молодого товарища Франца, который работает, учится, борется в Гамбурге, в Германии, во всем мире. Свирны ревут, машины шумят, но непоколебимая уверенность в победе красного фронта сильнее этой симфонии труда.

ФРИГ ГРОСС

авторитет секретаря

и. цацулин

В очереь „Авторитет секретаря товарища Иванова“ ставится вопрос о нужном нам типе руководящего союзного работника. Иванов не понимает, почему он не справляется с работой секретаря ячейки. Редакция „Смены“ предлагает читателям ответить Иванову и высказаться относительно требований, предъявляемых комсомольскими массами и своему руководству в настоящее время.

Товарища Иванова

Он сдержал свое слово—пришел. Еще не заходя в комнату, еще в коридоре, закричал:

— Сялян меня, помнишь, зашлись я!—кричал он неприязненным для него жалобным, неприятно плавающим голосом. Таким деланным голосом он, Сашка Иванов, решительный и твердый, секретарствовал в комсомольской ячейке крупного металлургического завода. Мы часто слышали его вдохновенную, но совсем грамотную речь на пленуме ячейки, на собраниях московского актива. И вот на прошлой неделе я ходил по горячим цехам его завода, по цехам; где ударный рабочий труд плавил социализм. В линейной, где со скрежетом переделывались громадные электроды, пригнувшись шумели варганы, Иванов подошел ко мне. Подозвал незаметно, откуда то из-за угла. Горлопано пожал руку и сказал:

— К тебе кому надо зайти? Адрес? Хорошо!

Теперь он сдержал свое слово—пришел.

Нескрямая обидя зачулка в его голосе:

— Жожу, понимаешь, мучаюсь, и обидно уж очень... Сялян!

То был секретарем ячейки, а сейчас никто.

С этим Иванов, видимо, не хотел примириться. Он минуту помолчал, погрозил мне отечеством:

— Понимаешь, никто! Сашка Иванов—никто!.. Чертовщина какая-то получается! Я, знаешь, по слесарному работал, да... Ну, и вот стала у нас в ячейке чехарда какая-то. Максимова в трест взяли, Бабушкина—выдвинули в газету, Зинку помнишь? Такая, еще смеялась всегда—так ее не то в Главинтросвет, не то в Наркомпрос послали. Осталась активка—раз, два, и обчелась. После Максимова выбрали мы секретарем Васюку Громова, из механического. Пошла он у нас секретарем с месяц—райком возьми да и вошши его на какое-то строительство в провинцию; секретарем комитета. На бюро мне и говорит: „Ты, Сашка, должен теперь заворачивать у нас в комсомольцы“.

Так неожиданно для себя — не особенно активист — Сашка Иванов стал секретарем ячейки. Он был во всех отношениях не хуже и не лучше других. Тех, что стояли по развитию выше прочих, из ячейки взяли, и остались — масса. Иванов гордился именно тем, что он не масса. Но зато бюро его слова не были авторитетны и предложения часто проваливались. Тогда Иванов впервые задумался над тем, почему это. Он пришел к правильному выводу—надо заковать авторитет. Иванов сменил замасленную спешку на шеголовский френч и галифе. Это было первое его мероприятие. И оно привнесло на ребят известное впечатление. По крайней мере ему казалось, что к нему стали относиться, прислушивались. Второй его шагом было: организация ударных бригад, школ поллитрамы и кружков. Он предстал перед ребятами каким-то новым, у него появились неизвестные другим знания и умение организовывать.

Да, он был новым, неожиданно изменившимся в беспрерывном движении. Он был в райкоме, в ячейке, на кружке поллитрамы, в тире... Он произносил часомые речи на бюро по каждому казавшемуся ему важному вопросу. Заседания велось им умело, как поезд опытным машинистом. Кокался примерно 14-й или 16-й во дворе, ребята вставали и с шумом уходили. Все было хорошо. Сялян издалека, как сказал ему секретарь райкома. В ячейке ребята ввели своего Сашку, авторитетно беседуя с кем-то по телефону или очувывшего от оставления резолюций. МОПР... Осоавиахим... физкультурный кружок... общество „Друг детей“... он зачислялся ими одновременно, часто даже «уставов», составляя проекты и резолюции.

Зима близилась к концу. Росли теплеющие дни, рос авторитет Иванова. Уж не так часто ребята проваливали на бюро его предложения. Примирился с и выработанным им инструкторско-торским тоном. Он подыкал на неожиданную высоту, сумел надавить учет удирничества на заводе, а весной организовал экскурсию молодежи на Кавказ. Прославился, разве беспокойство теперь усуюдо прохот аллоуководителей товарищ на собраниях. Комсомольская слава, слова руководителя, удостоверенная недавним успехами, приятно вскружила ему голову. Он потерял незримую нить, по которой шел в руководстве. Точно ослепленный, он спокойно поплыл в тихую завод, комсомольский будней. С того времени он стал говорить басом, голосом, зарывшимся от «уставов». Труд был беспорядочно делался в ячейке на его столе, и каждая из них требовала ответа. Но бумажки эти делали, никем не тревожились. Комсомольцы были заняты в цехах, а Иванов один не мог сразу «провернуть» все это.

— Твоя беда, — сказал ему пришедший на завод инструктор обкома, — в том, что ты работаешь один, не организовав массу. Это твоя ошибка.

— Товарищ! — недоумевал Иванов, — разве ты не видишь, что у меня все занято.

— Чем? — спросил инструктор. Иванов говорил долго, вспоминая нагрузку комсомольцев.

— Так, так!.. Ну, а сплоченная группа актива у тебя есть? Здесь, в ячейке? А о смене себе ты думаешь?

Инструктор ушел. Иванов опять один остался в ячейке несканзано измученный, — он никогда не думал о том, что ему надо будет уходить когда-нибудь с секретарского поста. Претнее, забытое беспокойство появилось опять, заставляя вспомнить все пройденный секретарский путь. Почему ребята в последнее время стали относиться к нему с холодом? Почему все чаще и чаще стали вносить поправки и добавления к его резолюциям на собраниях? Почему раздался — наметился в ячейке? Разве он плохо руководил ячейкой? Разве — он кого злит? Этого никто не досмает сказать, ибо этого нет и не было. Так в чем же дело? Почему это они стали «сменять» его, Иванова, своего секретаря? Почему молчаливые раньше Кягян, Дмитриев и др. стали выступать на собраниях, давая установку по тому или иному вопросу, носив свои, отличные от ивановских, предложения? Иванов только теперь заметил, что между ним и ячейкой образовалась щель. «Масса» перестала «покорно прислушиваться» к словам секретаря? Появились люди, претендовавшие на право правильно решать вопросы. Эти люди, так же как и Иванов, из массы. Но их ведь никто не выбрал руководителями! Кягян — всего нашего член бюро ячейки МОПР, а послушали бы вы, как он говорит! Или Сергей Дмитриев, сборщик членских взносов, только сборщик членских взносов! А ведь выступил против Иванова на собраниях. И тогда хладомороз Иванова пригрозил поставить о нем вопрос на бюро, Дмитриев весело рассмеялся и беззаботно сказал:

— Ты не чень-те, теперь саморитника!
Иванов, конечно, не испугался это. Но слово «саморитника» пришло для него какому-то почти осязаемому формам. Постепенно деловое внимание стало для него предметом неприятных ожиданий. И он не ошибаясь — выходила ребята с поправками, деловито высказываясь по его докладам, информациям, строясь новые, незнакомые Иванову мысли. Претний его авторитет сбрасывался с каждым днем. Раз упущенная нить руководства снова в руки не давалась. Но Иванов не хотел сознаться в своем бессилии, — он позволял себе любые. Так шло до переизбранного бюро, что вот сейчас выдуть ребята и будут громко, на весь зал говорить о неправильности его работы. И он был прав. Неожиданно для него, неизвестно когда вышедший из толстого слоя «пасива» выходили комсомольцы к столу и, отбрасывая смущение, говорили об ивановских делах. Он выступил авторитетным, но дошедшим конья претний. Его речь была горяча, но мало понята. И вдруг в середине ее Иванов почувствовал, что он делает не то и не так. Иванов обрвался свои вояжения и сел. Тогда выступил недавно принятый в комсомол Афанасьев.

— Что вы тут все говорите, — начал он, широко жестикулируя, — меня вот дядя в деревне... Я знаю определенно, что крестьян забывают налогами, а вы тут кричите о сотворенности. Разве не верю говорить правые, предлагаю расширить легкую промышленность?

— Все рано, — продолжал Афанасьев, — темпы пятилетки не послышались, почему не сказать этого прямо?

Афанасьев ушел на свое место. В клубе поднялась невероятный шум. Председатель собрания неистово зволил.

Иванов! — кричала из президиума Кягян. — Выступай, дай отпор оппортунисту!

Иванов выступил. С претним, солидно секретарским видом сказал, что Афанасьев правый оппортунист, что с такими надо бороться, и... он не знал, что надо говорить дальше. Он не мог поднять вопроса на принципиальную высоту и пошел по линии угроз и личных выпадов. Его слова не попадали в цель.

Ты слышал, вышло — заручился ему.

В тот вечер Иванов потерял остаток своего влияния на ячейку. Он был забыт во все время горячей схватки с Афанасьевым и молча переживал свою обиду. Он видел скользящие по нем равнодушные взгляды комсомольцев и понимал, что он опять так же, как и все, и ничем не выделется. Он даже жужжал — потому что, сумев как руководитель дать отпор Афанасьеву. Секретарь заводского коллектива теперь Кягян, потому что несколько хуже ребу поднялись над морем голоу, голоуза за Иванова. И вот на прошлой неделе я ходил по горячим цехам его завода. В линейной Иванов подошел ко мне незаметно. — К тебе когда можно зайти?

И пришел. Вот он стоит передо мной и говорит:

— Почему меня отставят? Скажи, в чем я неправ, что в механике здесь? Я работаю, не надеюсь на других... Один. Работал, выходя из масс таких же, как я. Но почему они вдруг стали больше меня знать? Почему я ста негодным для руководства ими?

Почему? — Почему? Товарищ, ответь мне!

ЧЕТЫРЕ

демонстрации

Надеюсь, что читатель „Смены“ не ожидает от меня сентиментального описания распускающихся поек у Альстера и прочих лирических вещей, касающихся весны.

Эта корреспонденция посвящена первомайскому Гамбургу.

Гамбург — „государство“, имеющее бургомистра—социал-демократа, имя которому Росс. Целая армия чиновников обслуживает государственные нужды Гамбурга. В этом чистом деловитом городе государственные месяцы апрель был заполнен праздниками и приемами. Конечно, так и полагается городу, где 300 тысяч безработных не видят куска хлеба.

О, социал-демократический сенат не теряет связи с массами! Накануне первого мая сенат послал приглашения и радушно принимал отряды храбрых солдат... Это было замечательное зрелище. Грაციозно проходили эскадроны 14 военного полка, двигались колонны национал-социалистов, бросавших анти-семитские лозунги: „Прощай, Германия! — Иуда, сахни!“ Господа сенаторы восторженно приветствовали этих истинных патриотов.

У Ломбардского моста стоят коммунисты. Они поют „Интернационал“. Первого мая это разрешается, но сегодня 30 апреля — не смеет: угощение резиновой палкой обеспечено.

Фашистская демонстрация направляется именно сюда. Здесь через двадцать четыре часа должны собраться революционный пролетариат Гамбурга.

Рабочие колонны идут тяжелым шагом, без треска, без помпы. С 8 часов утра десятки тысяч пролетариев собираются в указанных пунктах миллионного города. С 12 дня начинается демонстрация. Массы

идут из Барниба, Нейштата и других — в проезде, они только что вонзая окунают общую карту. Это были волны человеческих толп. Любимыми знаменами. В руках у них несутся группы инвалидов войны.

Когда пролетарские шествия богатых испуганно прижимают к себе бешенства.

Это был поход коммунистов, запрещенного союза учеников, будущего, есть лозунги борьбы. Демонстрация социал-демократов, в большинстве флагов и оркестров, но их похода не было ни цели, ни будущего.

На митинге в городском собрании речь против коммунизма и коммунистической партии, но лозунги за уход рабочих из партии презрительно.

С-д лозунги — за 40-часовое управление. А вот этого как и сам. Восемьчасовой рабочий день, теряет свой смысл там, где безработица, потому что он вынужден учиться, под прикрытием которой наши. Старые рабочие — ветераны в день первого мая в достояние.

Таково было лицо трехдневной и социал-фашистской.

Но на сцене появились и те, кто хотел кое-что показать и нам, без Моорвейде, на том же месте, где рвать рабочую демонстрацию, и лозунги. В автомобилях находились женскими криками бургомистр и сенаторы.

Ответ о первом мая в Гамбурге — будет неполным, если я не удушившим газом у самых ворот для отечественных милитаристов.

Мы не сомневаемся в том, в том, какой из четырех демонстраций

работы районов. Многие участники демонстра-
работы. Делегации детей, физкультурников и
и жилых барачных кварталов нищеты
идут с боевыми песнями, боярым шагом, под
звонки и транспаранты. Среди демонстрантов вид-
ны — отряды рабочей молодежи.

ходило по свержающему Альстеру — автомобилям
и. Машин буржуа как будто содрогались от

революционного пролетариата, красных проф-
войны. У этого похода есть цель, есть великое
лю часов слуха по этим же улицам прошла
агентов буржуазии в рабочем классе. Тут было
ны и оркестры не веда за собой массе. У этого

социал-фашист Майтлин произнес погромную
ской партии. Он говорил о новых лозунгах
не старых и не могут задержать ни массового
проваза ее на выборах.

рабочую неделю" и "за демократическое народ-
дизит-предатели не могут открыто сказать мас-
совские рабочие и право голоса — эти лозунги
не имеет ни восьмичасового рабочего дня ни
ворота предприятия. А право голоса — только
даются самые бесстыдные политические махи-
мартин — не могли обо всем этом не знать и были
штом состоянии духа.

граций, — национал социалистской, коммунистиче-

ковской "Интернационала". Очевидно, церковь
нам. Во время демонстрации коммунистов на
на-социалисты безуспешно пытались спровоци-
показались три изыщных автомобиля папского
лько епископов, которых приветствовали востор-
демократический министр.

е — самом большом провинциальном городе Гер-
ну о смерти четырех рабочих. Они были убиты
да на заводе Вильгельсбург, где куется оружие

смерть этих четырех будет отомщена, а также
риналежит будущее.

Фриц Гросс
переводка болославская

первомайская демонстрация в Берлине — выступление тальмана

Цена горячего супа

из книги «Пролетарий в иностранном легионе»
франц глинне

Революция в Германии освободила меня из тюрьмы. Я получил свободу. Однако, очень скоро выяснилось, что «свобода» принадлежит исключительно тем, кто имеет текущий счет в банке и, следовательно, может быть назван «порядочным человеком».

Я же был беспаспортный бродяга. Судьба в лице всевозможных чиновников перебрала меня из одного места в другое и, наконец, я попал в Голландию, где решил начать новую жизнь. Но не тут-то было. Голландия оказалась наводненной невероятным количеством людей в форме, которые охраняли границы от всех тех, кто стремился перейти ее нелегально. Нужно было защищать страну от большевиков, которые вот-вот придут, все уничтожат, все у всех отнимут, развратят женщин и, конечно, в первую очередь всевозможную престарелую королеву Вильгельмину. Неудивительно, что я почти мгновенно попал в лапы к какому-то типу, который потребовал у меня паспорт, а затем очень вежливо предложил прокатиться в концентрационный лагерь.

Меня отправили в Лахен, откуда я бежал в Бельгию. В Лувене мне повезло.—я получил работу, но человек без паспорта, в капиталистической стране внезапно превращается в немощного инвалида. Вскоре я очутился в северной Франции. Спал кое-где, питался кое-чем и был счастлив, что вообще еще жив. Мне нигде не удавалось остаться долго. Паспорта у меня не было, а был немцем, а немцев тупые французские буржуа ненавидели.

Поразмыслив немного, я стал выдавать себя за румына.

Примерно два года такой жизни, вернее—травли. Наступил зима 1920 г. На улицах лежал снег. Товарищ мой предложил отправиться в Дуэ. Зачем—неизвестно. Мы бродили без цели, без денег и мечтали о горячем супе. В результате этих мечтаний я очутился в том городе и перед тем зданием, где принимали в иностранный лагерь.

часовой и вино

Наша часть стояла в Алжире, разместившись в лачужках туземного поселка. Вскоре мы должны были отправиться в Марокко—образовались наше без почти закончено. Старые легионеры рисовали ужасы предстоящих битв с туземцами. Они с мрачным видом прокричали, что настоящие горести начнутся только в районе Сахары. Неужели будет еще хуже? Уже сейчас в полку свирепствовала малярия. Впрочем, люди вылезали все (или умирали) довольно быстро, так как голод был самым лучшим врачом.

Однажды я сидел в палатке. Слышу окрик вполголоса:

Гумель!—И тут же в палатку падает камушек, запертый в бумажку. Разлетелся, читаю: «Попорубь бекать, я займусь часовым». У меня задрожали руки. О, я уже

пресытился жизнью легионера, пресытился даже горячим супом, о котором когда-то мечтал.

Неужели устанет? Красное вино обязательно должно помочь, если часовой—старый легионер. Я слышу, как мой приятель заводит с ним дружеский разговор. Затем оба усаживаются, из кармана извлекается бутылка. Нужно действовать, так как в этот момент пачина бьет себя обо всем—это самый священный миг в его жизни.

Уйти из лагеря было не так-то просто. Я крадучись пошел вниз по течению реки, избегая поселений. Дорога становилась непроходимой. Лову замочил тушам и дальнейшее продвижение по горам стало невозможным.

человек, привязанный к лошади

На следующий день меня поймали и, как дезертера, посадили в тюрьму. А в один прекрасный день утром я услышал ржание коней. Ага! Это прискакали конные жандармы, чтобы конвоировать нас обратно в лагерь.

Соединенные поларно шепами, нас построили в колонну. Рядом гарцовали жандармы. Поход начался. Жандармы ехали быстрым шагом. До Махераджи, где стоял полк, насчитывалось около 70 километров. Свинцовая жара давила голову. Во рту было невыносимо сухо. Ног подкашивались от усталости. Но отдыха не давали. Жандармы обязаны были не только доставить людей на место во время, но и отбить у них охоту дезертировать раз навсегда.

Плетка начинает прыгать по головам отстающих. Мы молим дать хоть глоток воды.

—Воды?—спрашивают смеясь жандармы. —А зачем вы дезертировали?

Они бы с удовольствием нас прикончили, но гуманные соображения взяли верх—мы были нужны для постройки дорог.

В 20 километрах от Махераджи мои ноги отказались идти. Товарищи падали один за другим, и тогда нас привязали к лошадям.

Самочувствие человека, которого рвет за собой лошадь, описать невозможно. Колыта лошади бьют по ногам, подковы срывают мясо, оно висит клочьями. Тело перестает в конце концов чувствовать боль. Так можно бекать до самой смерти и умереть, не придя в сознание.

фургон скелетов

В Махерадже состоялась комедия военного полевоего суда. Нас не расстреляли. Хуже: нас просто послали на работу.

Дизентерия, свирепствовавшая в лагере, сваливала меня с ног. Я валялся в барке на смрадной соломе, когда два десятка моих товарищей уходили под конвоем на постройку офицерского казино в Сиди-Муса. Черз несколько дней оттуда вернулись больные. Их привезли в фурунку. Больные очень отдален-

но походили на живых людей. Это были скелеты, покрытые грязью; одежда их превратилась в клоачи. Их вытаскили из фургона и долго пытались выстроить в одну шеренгу во дворе.

—Боже, до чего они грязны,—брезгливо воскликнул адютант—Деаурин, возьми тряпку и отмой их. Эти свиньи могут испортить мне аппетит.

Несчастные люди, как звери бросались и умывалому воду, который принес деаурин сканьон. Он силой должен был отгнать их от воды. Жажда мучила несчастных не один сутки...

После этого случая я снова бекал, был на свободе два часа, затем меня снова поманили.

сколько стоит суп

Я пытался бекать еще несколько раз и все неудачно. Кроме мучений, бесконечных наказаний и штрафной работы ничего не вышло. Мы стали требовать амнистии. Но в самый разгар нашей борьбы и надежд пришел приказ выдвинуть 150 человек на постройку шоссе в Дахру. Это была жуткая дорога несчастья, которая впитала в себя немало крови.

Неделя шла за неделями.

Почва в Эш-Тризе вулканического происхождения и стала на солнце твердой, как камень. Нужно было разбить четыре кубических метра земли в день и глубокость их на расстоянии 11 метров. Каждое утро по свистку, люди бросались как сумасшедшие к месту, где хранились инструменты. Тут разгоралась борьба за хорошую кирку или лопату,—от качества инструмента зависела обся в этот день. Каждое движение было определено. Дисциплина становилась невыносимой. Люди умирали. Люди не пытались бекать, насталою они были измучены.

розовые очки легионера...

Наконец наступил день амнистии. Немцы не были помилкованы, но я продолжал выдавать себя за румына, и это спасло меня. Я получил «свободу».

Свободен, но куда ехать? У пролегария отечества нет и не будет до того момента, когда социализм изменит весь мир. Я просил дать мне проезд до Гамбурга, но французский чиновник любезно посоветовал мне обратиться с этой просьбой к своим родителям. Если же они не приишут денег на проезд, то помочь этому горю французское правительство едва ли сможет. Придется идти пешком.

Моя старуха-мать сбрала последние крохи. Их хватило в обрз на билет. Но будущее рикосовало мне в розовом свете. Здоровый человек, желающий найти работу, не может не найти ее.

Таковы были мои мысли, мои надежды.

...и тушения действительности

Наступила зима. Найти работу было так же трудно, как записаться на бирку труда, где требовали отнн справок. Без бирки работы не давали, а бирка не дала мне ни работы, ни пособия по безработице, так как я не был застрахован. Пришлось прибегнуть к благотворительности. Филантропические учреждения ставли на несколько недель—в лучшем случае на полтора месяца—пособие в размере 12 марок. Безработный расплачивается с квартирохозяином и у него остается ровно столько, сколько нужно, чтобы прожить неделю на хлеб и воде.

Безработному в Германии нельзя позавидовать, но во сто крат хуже участь легионера. У него нет даже рубашки—ничего, кроме тех тряпок, которые он получил при отъезде. Кроме того легионер почти всегда болен, измучен. Берут его на работу неохотно. Он бродит с места на место, меняя страны и города, как буржуа пернатик.

Постепенно забываются ужасы иностранного легиона и вспоминаются только хорошие минуты. Закрадывается желание хорошо поест, хотя бы несколько недель. Что сумо сделать в стране, в которой он нянто, в которой он по немцам не видит горячего супа! И вскоре путь его снова лежит на юг, к тому злощастному зданию, где записывают в иностранный лагерь.

первомайская демонстрация вейдинских комсомольцев по пути в Антверпен

НИКОЛАЙ ШИРОНОВ

ЛЕДОЛОМ

РИСУНКИ ЛЮШИНА

Ячейка приняла это решение не сразу. Оно созревало в течение целой зимы и несколько раз было предметом обсуждения на совещаниях. Ребята обдумывали и рассматривали свой план со всех концов и каждый раз все больше убеждались в том, что он будет, вероятно, единственным выходом из того положения, которое должно создаться весной.

И поэтому, когда в газете появилась заметка, ребята не были удивлены. Вывод сделали один—пришла пора действовать. Вечером был созван сход. Собрались в старом, полуразвалившемся здании—деревянском клубе по соседству с мечетью. Сходился медленно, нехота, всем видом стараясь показать, что говорить больше нечего, что все уже давно передумано и решено.

Секретарь ячейки Гусейн Атарбеков наказал ребятам не оповещать повестки при созыве на сходку. Поэтому, когда он вышел к столу и подчмокнул серьезно и строго положил перед собой газету, байдарчане невольно насторожились.

Атарбеков очень медленно, делая ударение на каждом слове, заговорил:

— Собрание созывали мы—комсомольцы, чтобы прочесть вам одну небольшую заметку, которая помещена во вчерашнем номере местной газеты и которая близко касается нас всех.

Так же неторопливо поднял газету и с особенной резкостью прочел:

«Кулацкое гнездо в Байдарках должно быть разоблачено. Остановились и подняв поверх газетки глаза на сход. Сидели молча, опустив к полу глаза, словно думая каждый свою думу.

— Товарищи байдарчане, слышите? «Кулацкое гнездо в Байдарках должно быть разоблачено».

И твердым голосом, очень раздельно и неторопливо, стал читать дальше:

«Приближающийся паводок ставит со всей остротой перед соответствующими организациями и перед всей общественностью нашего города вопрос об охране порта и судов, в нем находящихся...»

«... Госпароходство и Месткомво посылали своих представителей в Байдарки, но байдарчане продолжают отказываться от заключения договора. В Байдарках действует классовый враг. Он должен быть разоблачен в кратчайший срок. Государство ждет помощи байдарчан...»

Гусейн медленно сложил газету и снова поднял голову.

— Все, товарищи.

И, помолчав, добавил:

— Я думаю, мы уяснили себе создавшееся положение со всей полнотой.

— Отходя в сторону и став, опираясь на стену.

— Кто желает высказаться?—спросил председатель.

Выступили двое. Оба говорили немного, медленно, неохотно, с покорностью людей, подчиняющихся невидимой, но мощной силе, повторяя заранее обдуманные фразы. Говорили о том, что госпароходство предлагает совершенно невысказанные условия, что они не дураки и даром работать не будут, что заместя писать—дело не злитое и сами могли бы не хуже, если бы пожелали.

Второй из выступивших кончил, как и первый:

— Незачем было сход созывать. Дело решенное.

— Решенное,—вдохнул сход.

— Пускай сами ловят...

И смолчал.

Помолчав, понуц охотничьих-то, хе-хе-хе.

Гусейн резко повернула голову: голос был знаком ему.

Сдерживая волнение, спокойно сказал:

— Байраков, чего с места ерши. Ступай сюда.

Вышла к столу маленькая, кругленькая, призывная фигурка. Темные глаза поблескивали из-под нависших бровей.

— Вот товарищ Атарбеков говорит, что я с места мастер.

Дай отседа попорубу. Авось, не один Гусейн говорить может.

Теперь поднялись склоненные головы. И было в глазах что-то странно зловещее—звучал, от самого сердца вздрамывающая ненависть и пренная рбкая покорность.

— Это верно, читает товарищ Атарбеков хорошо, может даже... это самое,—и писал-то сам. Хе-хе! Очень может быть. Вот бы и скал говорить с пароходчиками...

— Пароходчиков теперь нет,—крикнули из глубины.

— Ну, это ты врешь,—отрикнулся Байраков.—Не помню, маешь, видно, ничего. Что пароходчики, что госпароходчики—один чорт.

— Нет, не один,—обиделся голос,—сам значит ты ни лешего не смыслишь.

Он ли!—усмехнулся Байраков в воротник.—Те жали и эти жмут: не пройдет на злот раз. Хватит, поработали. Хочешь еще—плати как полагаешь. Не хошь—до свиданья. Даром работать не станем.

— Ты ни даром, ни за деньги не станешь.

— А ты почему знаешь?

— Знаю,—крикнул кто-то из комсомольцев.—Видим, не беспокойся! У музай сидеть да брехать накачивать—твое дело. Помонарь!

Гусейн выпрямился. Разве можно сейчас это говорить? Резко крикнул:

— Алим, заткнись!

Но было уже поздно. Сход заурчал, как потревоженный зверь. Байраков, словно чувствуя это, другим уже господом сказал:

— Музда тут не причем.

— Не причем,—подтвердил сход.

— Опять за музду, мерзавцы!

— Что с ними говорить с остолопами,—крикнул Байраков,—ай-да домой!

Председатель стучал кулаком по столу. Байраков, широко шагая через скамьи, снова пошел назад, на ходу поднимая других.

— Стой!—крикнул Гусейн, подходя к столу.—Стоп, товарищи! Куда поперли? Нельзя так. Голосовать надо. Товарищи-ни! Ты-иш!

Но голос его таял среди шума. Напрягая всю силу своих легких, Гусейн еще раз закричал:

— Товарищи, еще вопрос. Другой.

Остановились. Быстро, чувствуя напряженность момента, Гусейн заговорил:

— В виду того, что сход, очевидно, не желает продолжать обсуждение...

Снова гул и движение...

— ...Я ставлю другое предложение. Комсомольская ячейка постановила заключить договор с госпароходством от своего лица—одна, сама по себе...

— Одна-а?—протянул кто-то удивленно.—Одна-а?

— Да, одна!—подтвердил Гусейн.—Завтра мы едем в город в госпароходство. Я обратился ко всем товарищам, желающим помочь государству и предлагаю сейчас же записаться у меня.

Гусейн смотрел прямо в глаза передним. И вот пошлы, окруженные тишиной, один, другой, медленно, оглядываясь друг на друга, пошли к столу. И почти следом за этим, где-то в самом конце комнаты, в глубине вспыхнул и закрился гешек. Быстро-быстро отгек по санитариной нити обжал комнату и вдруг сразу весь сход захлопал. Хохотали, широко открыв черные дыры рта, хохотали, подливая боса ружьями, хватаясь за животы, такаясь к полу, хохотали громко, басами, визгливо—всюко.

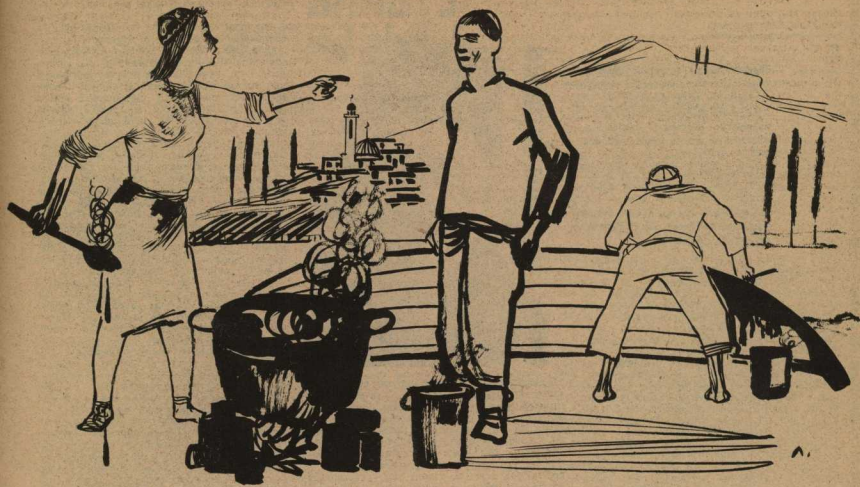
— Го-го-го!

— Хи-хи-хи!

— Триндиди-ой, триндиди человек... три...надцать.

— Мальчишка. Стыдись. О-го-го-го-го.

Густая красная стыда и гнева заливала смуглое лицо Гусейна.

разбрелись по домам. На берегу оставались только дежурные. Около шести вечера дежурных сменили. Вместе со своей ушла спать и Гусейн. Но не успел он соросить пальто, как ослышительно затрещал звонок и почти следом в комнату влетел запыхавшийся Юсуп:

— Гусейн, баржа... Несет баржу.

— Ну и очень хорошо,—спокойно сказал Гусейн, снова натягивая пальто,—собирай ребят.

Спустившись на берег, он взял у дежурного бинокль. Ребята не ошиблись: это была довольно большая баржа «Солынка», которую непременно следовало задержать. Подошла Фальма.

— Ты поедешь, Гусейн?

— Конечно,—ответил он, удаляя взгляд от нее.

— А твоя рука?

— О, рука!—засмеялся Гусейн,—вспомнила?

Команда Гусейна была уже возле лодки и возводило торопила его.

— Рано еще,—успокаивал он ребят,—выедем, да и будем бороться на стержне, но льду-то.

Он знал дело хорошо. Но ребята по мере приближения баржи воодушевлялись все больше, начинали даже покривлять:

— Прозвеем!

— Гусейн, какого ты чорта?

Гусейн вышел именно тогда, когда было нужно. Ребята сразу почувствовали это, как только попали на воду. Река быстро подхватила их и понесла с такой стремительностью, что казалось, баржа теперь не догонит их. Лыдины кружились, ударялись в лодку, и нужно было много смелости и умения, чтобы пробраться в таком водовороте. Тут можно было двигаться только с помощью багров: двое стояли по бортам, проталкивая лодку и оберегая ее от ударов, один на носу расчищал путь. Гусейн сидел за рулем.

Баржу несло по самому стержню. Теперь она была совсем близка и надвигалась прямо на лодку, становясь все выше и длиннее. Сдерживаемая баграми, острые концы которых впились в проломленный борт сошки, лодка подошла к барже с зоры. Гусейн пристал так искусно, что можно было хоть сутки сидеть здесь за баржей, не рискуя поломать лодку.

Быстро, один за другим, взобрались на борт Гусейн и Юсуп, подливая с трудом подаваемый из лодки огромный тяжелый канат и бросившись влохом его за собой к носу сошки.

Рискуя свернуться в воду, прыгнул с баржи прыгун в лодку. Теперь Гусейн уже не расхолаживал ребят, а напротив—все подгонял и подгонял их.

— Налетай! Налетай!—приговаривала она, с каждым ударом несел откидываясь назад и словно отбивая ритм.—Налетай, комсомольца!

Снова вливал в полосу льда. Теперь они были прямо напротив лодки. Гусейн, сидевший к берегу лицом, видел, как бежали по прилеску ребята с криком, отчаянно жестикулируя. Лодке

оставалось не более ста метров, когда перед ней неожиданно появилась длинная льдина с остро зазубренными краями. Неожиданно в руках Гусейна дрогнула, сильно натянулась и снова ослабела легость, это начал опрокидывая все расчеты, разматываться канат. Ребята ташили лодку по льдине, чувствуя, что озадачивают, непростительно спаздывают. Баржа была уже далеко внизу, снова таяла ее очертания, она становилась все меньше и меньше. Лодка шаркнула в берег целым ста метрами ниже лебедок. Легость бросила еще с воды. Быстро вынырнула на берег толстый конец каната, пробжал за легостью десктом шагов и вдруг, туго натянувшись, порвал крепину и извиваясь, снова шлепнулась о песок, убегая назад—к воде. Юсуп схватил его на самом прилеске и побеска влохом берега, стараясь обогатить течение и подтащить канат выше, не давая барже натянуть его. Ребята, догоняя Юсупа, подхватили канат и тоже бежали вдоль берега, взбираясь все ближе и ближе к яру. Первый догадался Юсуп: почти набежав на толстую вежу, забитую в песок, он закинул конец каната вокруг нее и начал захлестывать узлы. Снова канат туго натянулся: видно было, как баржа круто начала поворачиваться, стала сначала боком, а еще минуту спустя—прямо вразрез течению. Это было спасение,—баржа злила искоркаться ее. А подтянуть ее к берегу без лебедки у ребят не было сил. Гусейн первый сообразил это, бросившись за новым канатом, которым бы можно было удлинить первый.

Все дальнейшее Гусейн вспоминал очень смутно.

Он был так взволнован, что почти столкнулся с мушкетером, бежавшим ему навстрочу.

— Дураче-е! кричал последний.—Команде-ер солячий! Где у тебя рыньце-то бабка была?

А затем произошло нечто совершенно необычайное. Детские руки разом впились в канат, десятки грудей одновременно вздохнули:

— Раз-а, два,—взяли!

— Раз, два-а—враз!

И уступая силе, более мощной, чем сила течения, баржа дрогнула и пошла навстрочу. Канат захлестнулся на лебедку и бешено начали накручивать его.

На круторе под темными соснами, куда никогда не заглядывало солнце, стоял мула. Подаль от него стояли Байраков, Алмаев и еще несколько стариков. Мутными, слезающимися глазами смотрел мула на приближавшуюся баржу, и ветер широко отбрасывая поля его халата, играл ими, как парусами. Когда баржа стала уже совсем близко от берега, мула повернулся спиной к ветру и медленно, не вымывая ни слова, пошел в деревню.

Додоход шумел по реке. Лыдины бежали, обгоняя друг друга, собирались на берег и с тихим звоном рассыпались на сотни сверкающих игол: лыдины уходили вдаль, становясь все мельче и прозрачнее, быстро растворяясь в мутной весенней воде...

у письменного станка

В. Воробьюх
Л. Г.
читай в следующем № статью о критике-большевине в. в. воробьюх

Начина смотр творчества рабочих-ударников, «Смена» одновременно приступает к печатанию ряда рецензий на книги, помогающие молодым писателям выковать марксистско-ленинское мировоззрение и овладеть литературной техникой. В статье «У письменного станка» дана оценка книге Д. Бедного «О писательском труде». Опыт Демьяна двадцатилетней обслуги работы которого в большевистской печати мы сейчас отмечаем, должен быть использован ударниками, идущими в литературу.

Демьян Бедный жаждется на обилые прислаблениям ему рукописей. «Сиди мох не,— пишет он в стихотворении «О писательском труде» — все стихи разобьешь, все талантлы уберешь. Его просто бить судьяб, от него требуют критики. Но— увы!— стихотворно-болезненным зудом охвачено сознание много народу, а лечить этот зуд— занятие мало приятное и мало полезное.

Средь так называемых «национальщиц» (иногда в продолжение 5—8 лет) поэтов частенько попадают люди, искренне убежденные в своей «геннаидности». Стихи стекают у них с язвора с необычайной легкостью. Они пишут больше, чем читают, и чаще всего не читают совсем. Свое писание стихов, свое «творчество» они превращают в самоцель, хотя и говорят о ставке, о выполнении промфинплана и т. п. Но не выполнение промфинплана ни важно, а составление известного количества строк на тему о промфинплане. Эти люди встречаются во всех литкружках, во всех редакциях. И в большинстве случаев, мне кажется, помочь им уже нельзя.

Не к этим «геннаим», разумеется, обращена книжка Д. Бедного «О писательском труде», составившая из промфинплановых стихотворений и беседы Демьяна с рабочими-ударниками, идущими в литературу. Ее назначение—предупредить молодых пролетарских писателей, предупредить выдвигавцев рабочего класса на литературном поприще от легкого отношения к художественному творчеству и помочь им и в своей работе стать стойкими борцами за генеральную линию партии.

**На и чему атравуты нам дркхных воево
И эстетическое худосение,
Советроительство—дум книжек всех средоточе,
Мы у писывених намах—не столов, а станков,—
Мастера и рабочие.**

Демьян Бедный, как «опытный охотник», у которого молодым охотникам есть чему поучиться, делится своим огромным писательским опытом с младшими товарищами. Он не совсем охотно прибегает к теоретическим формулировкам—это дело критиков,—предпочитая выражать свою мысль примерами и сравнениями, партийность же книжки Демьяна—показ работы, введение читателя не в таинственную лабораторию боговдохновенного поэта, а в мастерскую поэта-большевика.

Чему учит Д. Бедный рабочих-ударников, каковы, по его мнению, те достоинства, которые следует больше всего ценить в писателе, да еще в революционном писателе, в пролетарском писателе? Эти достоинства—простота, единство цели, борьба, любовь к книгам и изучение классиков. Плюс ленинский завет: «Мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Единство цели с рабочим классом, непосредственное участие в его борьбе за социализм, партийность поэтического творчества,— вот требования, предъявляемые Демьяном к идущим в литературу рабочим-ударникам.

Чтобы выполнить это требование, нужно научиться ловить звуки и шорохи новой жизни и уметь им давать художественную

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

рассирировку. И не как-нибудь ловить эти звуки, не как-нибудь слушать эти шорохи, а слышать «пролетарско-классово». Люди, принадлежащие к разным классам, по-разному слышат и видят. Д. Бедный приводит отрывки из «Записок актрисы Луизы Фюзиль», относящихся к 1806 году. Эта ашансонетная мажелька, как выражается Демьян, побывав в крестьянской деревне, увидела там крестьянские «костюмы», которые перенесли нас в старые дни деревей Греции. Под взрывы смеха читает поэт на собрании рабочих-ударников описание «стишек» и «сандалий», в которых, по словам Луизы Фюзиль, обряжены крестьянские мужики. Ясно, что такая точка зрения, такое «видение мира», затшевывающее и искажающее то, что на самом деле происходило в русской крестьянской деревне, ничего общего с пролетарским раскрытием действительности не имеет.

Как работает сам Демьян, как в собственном творчестве он осуществляет те требования, о которых шла речь выше? Как «опытный охотник», берет с собой на свою охоту «новичков» Демьян, Опыриной пуцаг—приобретенная поэтом у булгакиста книжка стихов «Про быдло». Автором этой книжки, подписанной одним инициалами, как установлено после наведения соответствующих справок, был М. А. Венигитин, родной племянник известного поэта пудлинского учителя Д. Венигитина. Шлет, как сказать, дворническую культуру! Но на какой высоте выросла эта культура? И на это в литературе имеются сведения. В 1901 году д-р Шингарев обследовал деревню, в которой находится невинитинское родовое поместье. Результаты обследования оказались таковы, что книжку Шингареву пришлось оглашать—«Вымирающая деревня». Через 26 лет, в 1927 г., эту деревню вновь описал молодой советский агроном К. В. Шуваев, но книжку свою он назвал уже иначе—«От вымирания к возрождению». А сейчас возрождающееся крестьянство под руководством партии вступило на путь сплошной коллективизации.

Вот как вырастал замесел поэмы о судьбах русского мужика у Демьяна Бедного. Здесь есть чему поучиться «новичкам!» Суть, конечно, не в том, что отправной точкой послужила подписанная инициалами помещика книжка. Это—индивидуальное свойство работы самого Демьяна. Суть в другом: в правильном и убедительном подборе фактов, в отборе наиболее существенного, типичного, в срывании «всех и всяческих масок» с дворнической действительности, в глубоком подлинно-марксистском понимании исторического развития нашей страны. И в страстном большевистском желании бороться «за решение тех проблем, которые являются задачами, которыми на нас возлагают генеральную линию нашей коммунистической партии.

Книжка Д. Бедного в известном смысле является итогом долготлетней литературной работы поэта. Воспользоваться опытом этой работы, взять у Демьяна Бедного его готовность всегда вступить в борьбу, научиться его умению вести эту борьбу—одна из основных задач ударников, берущихся за оружие художественного слова.

на комсомольских собраниях

на комсомольских собраниях

Вы неправы!

в. ядин

Совещание кончилось поздно. Когда расхались, на Москва-реке плавали желтые пятна заводских огней.

Выйдя за ворота, как обычно, вместе, дальше шли тесными дружескими группами, негромко разговаривая. Всегда выходило так, что официальная, подлежащая протоколированию сущность вопроса обсуждалась и разрешалась по ту сторону ворот, в деревянных комнатах замка. Здесь же, за воротами, возникало обсуждение, и даже не обсуждение, а скорее—дружеский обмен самими интимными оттенками чувств и настроений, рожденных резолюцией, принятой по ту сторону ворот.

Я не знаю,—негромко сказал Андреев, закурявая. Сличка осветила его уставое, немного суховатое лицо.—Вот мы сегодня обсуждали исключительной важности вопрос. Шутка ли? Реформа кредитной системы, перевод завода и отдельных бригад на хозяйственную систему. Крутой и строгий поворот. Я говорил за это и, знаете, совершенно искренне. Я понимаю, что эта новая мера должна вывести наш завод, в частности, из унылых провалов и неполадок. Но вот сейчас я продумываю еще раз все, что было сказано на совещании, и знаете, что мне начинает казаться, Владимир Антонович? — Что именно?

— Мне начинает казаться, что это немного похоже на отступление. Да, да, понимаете, это чувство еще смутно во мне, но вот, как бы вам сказать, ведь в чем по существу наше отличие от капиталистической системы? Там каждый работает за свой страх и риск. Каждый отвечает за себя и держится за свое. За свой ключик, свою машину, свой завод. Там конкурируют и гробят друг друга. У нас же наоборот. Никакой конкуренции, никаких отдельных кусков—единый, грандиозный, строгий и обязательный план. У нас жесткая планировка снизу доверху. Именно эта всеобъемлющая планировка, этот размах концентрации заставляет меня уважать и ценить коммунистов. Ну, а что же получается теперь? Ударные бригады, эти горящие факелы энтузиазма, начинают проверяться рублем. Хорасчет, индивидуальные договоры, индивидуальная ответственность заводов, поставщиков, отдельных станков! Это же путь прямой конкуренции! Это выходит, что строгая планировка сверху донизу не имеет того... урезывается. Это похоже на отступление от социалистического планирования. И, вы знаете, это мне напоминает изл в торговле.

Андреев смолк. Папироса его догорела и он курил, почти обжигая губы.

— Ну, знаете что,—сказала после паузы Владимир Антонович,—если бы вы были членом партии, я бы сказала вам, что у вас явный и значительный левый сдвиг.

— Почему?
— Потому что вы неправы, дорогой мой. Хорасчет! Нет, по-моему, мало этого. У нас не умеют иногда развернуть во-всю правильно начатое дело. Боятся. И совсем не то плохо, что выходит хорасчет и индивидуальную ответственность рублем. Наоборот,—плохо как раз то, что все равно они не дадут этого должного хода. Пусть-ка попробует один завод выскочить вперед, выторговать себе лучшие условия по договору, пусть попробует начать всерьез конкурировать. Обязательно вдернут сверху. Ша,—скажут,—не горюпните! Вот и выходит, что весь этот хорасчет и отдельные договоры, и проверка рублем по существу: тех же идей, да поуже идей. То же, что и было до сих пор. А надо было, по-моему, может быть допустить настоящее соревнование, без всяких там нажимов, подпорк и одергиваний сверху. Пусть, действительно, каждый завод за себя отвечает. А то у нас в последнее время многие привыкли на постороннюю помощь надеяться. Срунут темпы, нададут прорывов, в потом зовут на помощь свкозные бумкиры, шефство, бригады, помощь...
Басов медленно идет назад, слышая юбок спорящих. Он сегодня в первый раз был на таком серьезном деловом совещании. Его выделала цеховая ячейка и он представлял на совещании ударнического цеха.

У Камениного моста Андреев и Субботин сворачивают. Путь Басова лежит через мост. Он идет один. Десятки самых разнообразных мыслей тревожат Басова. Они копошатся в его голове, как змеи, высываяют длинные языки, шипят, ворочаются, надуваются. Один из них вдруг допрыгнул, как детские шары, оставшая в голове пустота сомнения.

Андреев и Субботин, хотя и беспритязные, но очень честные и преданные специалисты. На совещании оба они голосовали за хорасчет по цехам и бригадам. Басов тоже голосовал за. Но еще тогда он смутно и как-то недостаточно осязаемо представлял себе принципиальную сущность реформы. Может быть, он просто еще недостаточно политически развит? Разговор специалистов заставил Басова прислушаться. Кто прав из них?

Он подыскивает веские доказательства, значительные и убедительные слова, чтобы отбить себя и заглушить сумятицу в голове, но ладцы будто касаются круглых скользких шагов и их нельзя схватить. Они уходят, выскальзывают из-под пальцев и в руках остается пустота.

Масло неторопливо стекает по реку. Он неумолимо, со

сдержанной силой точит металл. Белея белая серебряная пыль медленно кружится вокруг фрезера. В открытых окнах цеха шумит весна. Станок гудит и такт ей, ровно и спокójно. Вокруг от хрипит и подзорительного визжит.

Басов нагибается к станку. Деталь сидит твердая и прочно. Но вместе с маслом по реку стекает едва заметные песчинки. Резец кричит и визжит отчаянно, как животное, в шею которого вонзят зуной нож.

Басов мгновенно выключает станок и подымается к баку с маслом. Там на коричневой густоте плавают желтые крупинки песка. Басов крепко ругается. Значит опять надо опорожнить бак, очистить его и наполнить чистым маслом.

А ведь, когда бригада переходила на хорасчет, одним из пунктов

двустороннего договора было сокращение расходов масла.

Басов торопливо откладывает бак.

Уже скоро пятнадцатая, как бригада Сергеева, в которую входит Басов, заключила с цеховой администрацией договор о работе на хорасчете. Первым предложил это Сергеев, его бурно и радостно поддержали Трофимов, лохматый Ещенко, и, хотя Басов и не одобрял своих соображений, он не смог отказаться, когда большинство бригады восторженно голосовало за.

Это был почти, первый опыт в цеху, и весь цех с настороженным вниманием следил за работой бригады.

Пятым в бригаде работал Карпенко, угрюмый и хмурый мужчина. Он сыл хорошим ударником. Работал он молча, сосредоточенно не отглядываясь, не отрывая сумрачных глаз от резца. Гнал он резорво, на удивление быстро. Казалось, ничто другое в мире, кроме количества отработанных деталей, не интересовало его. Вот он стоит, третий от Басова, опустив к станку сердитое и злое лицо, как будто тот его кровно и тяжело обидел.

Басов страшно удивлен, когда Карпенко оборачивается и под-

ходит к нему.

Самый Басов,—говорит он тихо,—ты в нашем там комсомоле состоишь, так объясни, пожауйста. Чего-то мне непонятно.

И не повышая голоса, Карпенко говорит о том, что по его мнению переход бригады на хорасчет это не пролетарское дело. До сих пор вот он сам работал как ударник, он знает, что есть норма и ее надо выдержать, даже переполнить. Но хозяйствовать, заботиться обо всем самому, за все самому отвечать. Это что же выходит? Они там наверху сидят, денешки получают, а мы тут и нормы должны переполнять, и еще обо всем другим сами заботиться. Выходит, что он как арендатор работает, за все сам отвечает, а те, наверху, чужими руками жаб забреют. Какая же это рабочая власть, и что он, Басов, дураит обо всем?

— Ты неправ, Карпенко, ты... ты, понимаешь, надо выполнять промплан,—услышь производительность труда...

Басов еще что-то говорит, но выходит ужасно вяло и неуверительно. Он говорит заголовками газет и вскоре, увидевшись в этом, комкает разговор. Карпенко, ядовито покачав головой, отходит.

— Как однако много общего в его словах с разговором Андреева?

И змси сомнения снова поднимают возню в голове Басова.

.....

В цеху скандаль. Карпенко отказался работать на хорасчетной бригаде.

И я так ударник. Какого лешего! Я свою норму делаю и еще сверх. А отвечать за все я не согласен. Это пуская администрация отвечает, директора...

— Но ведь ты заключил договор, ты ведь хозяин своего станка, почему ты не хочешь отвечать за него?

— Какого я лешего хозяин! Что, я станком по-своему раздорядится могу? Это—как требовать с меня, так я хозяин, как деньги платил—так служащий! Нет! Пуская директор отвечает, а я и так ударник...

И снова Басов ощущает в его словах что-то знакомое, уже слышанное однажды. Ах, да! Сейчас слова Карпенко удивительно похожи на то, что говорил Субботин. Умные и, казалось, неспоримые слова бухгалтера поворачиваются другой стороной и становятся поделительно понятными.

Что же это такое? Внеера Карпенко ругается, и слова его почти совпадают с мыслями Андреева, сегодня он кричит о том же самом, но сейчас это похоже уже на Субботина. Как это может быть?

События разворачиваются. Кто-то в цехе выдоголаса подкаивает Карпенку. Кто-то начинает ворчать себе под нос.

Ударники мы—и хвяти,—а то, подумается, хорасчет! Знаем мы! Ежечь так, на нас потом всю вину свалит.

Ворчанье это, как липкая патока, ползет по цеху и ноги временами вязнут в ней.

Бригада Сергеева упорно и молча работает. Карпенко уже нет в ней. Наконец кончается первая пятнадцатка со дня перехода на хорасчет. В планово-экономическом отделе подсчитывают итоги и проверяют выполнение договора.

Бригада ходит взволнованная и напряженная. Сергеев нервно шиплет утоническую бородку. Трофимов и Ещенко нетерпеливо ерзают топчась у станков. Они сейчас там, в плановом. Басов даже забывает о всех своих сомнениях.

В обеденный перерыв Сергеев уходит в планыый. Через несколько минут к Басову подходит мастер Агафонов.

— Басов, веди в контору, в планыый, там тебя требуют.

И Басов идет в заводоуправление. Он проходит сквозь громошадки, шумящих бумагами столов с холодной неприязнью, даже с разговором владелицы.

Когда потребуется разработать лимиты для перехода бригады на хорасчет, бухгалтерия и планыый отдел заупрямятся.

Они заявили, что цех является грушей станков, тесно связанными между собой и находящимися в одном помещении, и что поэтому лямбда-отделам бригадам и ставкам ненужны и даже невозможна ищя. Бухгалтерию сдавали, но из-за этой неадекватности бригада потеряла несколько дней.

Басов входит в кабинет. Там уже сидит Сергеев.

— Басов?—спрашивает его заведующий плановым отделом, человек в пыльной косоворотке и больших роговых очках, за стеклами которых, как звери в клетке, бродят острые серые глаза.

— Басов!

— Басов!

Басов садится рядом с Сергеевым и тогда заведующий коротко и устало сообщает.

— Бригада превь-сила план, перевыполнила договор. Вместо 336 деталей сделано 400. Расход масла сократили, брак снижен до 0,3% . Благодаря хозяйственному ведению дела бригада сэкономила даже на тряпках.

— Но не это главное, главное...—заведующий поправил сползающие очки и звери за стеклами остановились.—Главное то, что работа на хозрасчете бригады Сергеева дала такие показатели использования инструмента, вспомогательной силы и разных хозяйственных предметов, что плановый отдел считает необходимым перевод на хозрасчет всех остальных бригад. Для разработки этого вопроса плановый отдел привлекает Сергеева и Басова.

Заведующий хотел еще что-то сказать, но два телефона, как две пушки по краям стола, вдруг грянули разом.

.....

Басов слегка смеломелен. Ударник оказываются не ударниками. Цех глухо хлопает. Карпенко, Евстигнеев, Круглов и Спицын, четыре человека в цеху, оказались переходить на хозрасчет.

— Мы и так ударники!

Тогда стали проверять работу этих ударников и они неожиданно оказались просто равными. Оказалось, они были ударниками только затем, чтобы больше выгнать, больше получить. Они восторженно обращались с инструментом, с вспомогательной силой, с маслом, с тряпками, со всем. Оказалось, они выгоняют цифру, но удорожали каждую деталь. Это было сравнительно легкое ударничество. Теперь переход на хозрасчет требовал совершенно иного отношения к материалу.

Цех собирается на общее собрание. Заведующий плановым отделом делает сообщение о переходе цехов на хозрасчет. Сергеев рассказывает о результатах работы его бригады.

Потом выступают завкомы, секретарь ячейки.

Наконец, слово просит Карпенко. Зад злится.

Утром, ни на кого не глядя, он идет к столу и там, размахивая руками, кричит зло:

— Не желаем мы за других отвечать, на то вы и насажены, чтобы отвечать!

— Врешь!—неожиданно раздается в цеху.

Собрание обрабатывает голы.

— Врешь!—раздается еще раз и из дальнего угла крупными шагами идет к столу Ровчук. Собрание удивлено. Ровчук никогда и нигде не выступает. Тихо, незаметно констатирует он у своего станка и больше всего боится шума и разговоров.

Ровчук подходит к Карпенко плечо к плечу и, забыв, что на него устремлены сотни глаз, будто разговорная наедине, хлещет его за рубашку.

— Врешь, сукин сын!—говорит он совсем тихо.—Мы должны отвечать, мы сами. Я тридцать пять лет работаю под этой крышей, и сейчас только почувал, что я настоящий хозяин всему заводу. Это мой завод, я хочу за него отвечать... Я желаю быть хозяином. А ты... ты отвечать не хочешь, тебе только бы денежки выгнать, не рабочий ты, не хозяин... а шкура.

Обвалом, лавиной рвется аллюдионисты. Ровчук сразу теряет силу и властность и, конфузясь, идет на свое место. А грохот обвалов не смолкает и старые стены цеха трясутся в искуге.

.....

— Где тов. Андреев!

— Вы не видели тов. Субботина?

Басов носится по конторе. Он ищет Андреева. Он хочет увидеть Субботина. Сейчас же, немедленно, сто минут. Он должен им рассказать. Он теперь твердо знает. Круглые скользящие шары, что уходили из-под рук, теперь крепко зажаты в ладонях.

Он сейчас скажет Андрееву и Субботину:

Товарищи! Вы жестоко ошиблись, вы неправы. Новая реформа это не отступление, это не конкуренция, это наступление, это новый обход, вкатыв к бору.

Он спросит их:

— А знаете ли вы, что сейчас, когда весь цех перешел на хозрасчет, нет ни одного лжеударника, ни одного дедаря? Знаете ли вы, что вот он, Басов, руками, наощупь почувствовал то, что было для него до сегодня лозунгом, которому он верил на слово?

Знаете ли вы, что он, Басов, чувствует себя настоящим хозяином, который отвечает за свое хозяйство? И знаете ли вы, что хозяйство это не только его станок, что станок связан со всем цехом, со всем заводом, со всей страной?

И он, Басов, через станок хозяин всей страны.

Ого! Товарищ Ровчук и цифры планового отдела многому научили Басова.

... Андреев и Субботина он застает в бухгалтерии. Он подбегает к ним и, задыхаясь от обуревающих его чувств, выкладывает все, что приговорил.

Когда он кончает и все еще извонданный тяжело переводит дух, Субботин отворачивается к окну и, сощурившись, барабанит по стеклу тонкими пальцами.

Андреев смотрит несколько секунд на Басова, потом опускает голову и начинает медленно и густо краснеть.

бронированный состав

Опять не различишь: где фронт, где тыл.
Опять поднимаются фронты.
Опять объявляются на-ходу
Мобилизация чувств и дум.

Ты встал в понедельник в начале утра.
Ты выпрямил тело в пятнадцать ран.
Ты даве не вспомнил минуту, когда
Огонь устремлялся по нашим следам.
Когда в деревни и города
Ложилась пороховая беда.

Заря выростала ровнее с гудком.
Ты не тропилась, гремя нотелком.
Приказ комитета разит нольем:
„Хлебозаготовки. Инс-район“.

В минуту поворотов колеса до ста.
Мчит бронированный состав.
Мчит бронированный состав,
Песня его, на равнина, проста.

Не задыхаясь, не устав,
Мчит бронированный состав.
А степь размахнулась—зеленым огнем,
А небо грозит—синеватым огнем.

Зноем неистовым поражена
Остановилась—и ждет.—Тишина.
Не оступалась в разгон да в захлест,
Пространство бросается под паровог.

Чугунным дыханьем—в упор небесам.
Уверен и выверен взмах колеса.
Не холод орудий, не жар свинца,
Не лютую ненависть бойца,
Не дул равнодушных смиряющий взгляд,
Не гул смертоносный вагоны таят.
В них, пересыпаясь, в бронеши
хмельном
Сухое, нах порох, гудит зерно.

Руку подняв, семафор сазал:
— Прекрасно.—И вырос за словом.
Вонзал.
Уме до-сихто напряглась темнота.
Человек в гражданском принял состав.

Ты выпрямил тело в пятнадцать ран.
Ты завтра подымешься в шесть утра.

Яков Цейтлин

подшефная КОМСОМОЛА

них. долгополов

В СССР безработица ликвидирована. У нас нет недостатка в работе, но очень осязателен недостаток в работниках. Вопрос о рабочей силе, вопрос о кадрах для промышленности и сельского хозяйства поставлен сейчас совершенно по-новому.

Еще два-три года назад проблема безработицы вставала во всей своей остроте перед широкими массами рабочих и особенно рабочихниц. Сейчас она снята с «новости» дня. В 1931 году намечено возмочь в промышленности около миллиона женщин, во преимуществе жен рабочих.

До сих пор женский труд использовался главным образом в швейной, текстильной, табачной и резиновой промышленности. И лишь сейчас проводится целый ряд плановых мероприятий по вовлечению женщины в такие отрасли промышленности, как металлургия, электротехника и машиностроение.

Этой темс — внедрению женского труда в тяжелую индустрию — посвящена новая фильма производства ленинградской фабрики Союзкино «Наши девушки».

Группе молодых рабочих, выпущенных школой ФЗУ, приходится жестоко бороться за завоевание своего места на производстве, за преодоление предрассудков о непродуктивности женского труда, имеющих место до сих пор еще в среде старых рабочих и даже у отдельных комсомольцев.

Решив организовать на заводе первую ударную бригаду, работницы идут за помощью в ячейку ВЛКСМ. Но и там на заседании бюро ряд комсомольцев выступает против организации женской бригады. Лишь резкая отповедь секретаря ячейки, поддержанного большинством ребят, останавливает ярых экзотеневистиков.

Выполняя по более дешевой расценке срочный заказ на детали и не дав дойти до рабочих, бригада приобретает скрытых врагов. Просьба бригады об объединении ее станков наталкивается на сопротивление со стороны мастера, не желающего идти против старых рабочих, и выношается только после долгих вытаргов и вмешательства партийной ячейки. Вызван на социалистическое соревнование ряд бригад, девушки, соединившиеся впоследствии с ребятами в ударную молодежную бригаду, все время идут на первом месте.

С объявлением мобилизации рабочая молодежь и во главе ее комсомольцы становятся в ряды Красной армии, чтобы отразить первые удары врага, обрушившегося на советские границы. И в момент, когда мужчины уходят на фронт, когда каждый ставок является батареей, каждая деталь — сварядом, работницы с честью заменяют у станка своих сотоварищей.

«Наши девушки» смотрятся легко и с интересом. Этому способствует ряд занимательно построенных эпизодов (заседание бюро ячейки ВЛКСМ и в том числе собрание технического кружка в лесу и т. д.), хорошая игра артистов С. Магариды, Н. Мясникова и др., удачно составленные надписи и светлая, чистая фотоприрода.

В фильме есть, однако, ряд недостатков, в которых выразилось отставание искусства вообще и кино в частности от темпов социалистического строительства. Главным из них — трактовка роли ударной молодежной бригады. Сейчас уже вряд ли кто станет возражать против ударной бригады, когда мы имеем сотни и тысячи ударных цехов и заводов.

И все же «Наши девушки» едва ли не первая «молодежная» фильма в этом году — светлое пятно на необычайно тусклом фоне кинематографического сегодня.

«Наши девушки» — результат шефства комсомола над фильмом, осуществленного коллективом ВЛКСМ ленинградского завода имени Карла Маркса.

После чтигы сценария фильма в редакции «Комсомольская правда» он был напращ-

влен в Ленинград, где карломарксовцы, обудив его, внесли ряд поправок и дополнений. В дальнейшем, во время съемок комсомольцы продолжали поддерживать с постановочной группой связь, помогая ей советами и указаниями. После окончания работы режиссер В. Браун дважды показывал заснятое своему шефу — заводскому комсомолу, внимательно прислушиваясь к его критике.

Благодаря этому постановочная группа добилась идеологической четкости своей работы и избежала участи большинства наших фильмов, подвергавшихся многочисленным пересъемкам и переделкам, сократив почти на 35 процентов стоимость фильма против сметы, израсходовала меньше пленки и закончила ее раньше срока.

Остается пожелать лишь, чтобы первый опыт шефства комсомола над «молодежными» фильмами не прошел бесследно для нашего кино-производства. Наглядным доказательством его целесообразности и является подшефная комсомола — «Наши девушки».

надписи из фильма «Наши девушки»

нападению на нас **МЫ ОБЯЗАНЫ**
противопоставить

высоко обученную
политически стойкую
хорошо вооруженную большевистскую армию

КОМСОМОЛ есть

ЕСТЕСТВЕННЫЙ
резерв этой армии

К. ВОРОШИЛОВ